

УДК 81'367.32

DOI: 10.17223/19986645/51/5

Т.И. Стексова

СМЫСЛОВОЙ ДИАПАЗОН ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОНСТРУКЦИИ *НЕ ПОНИМАЮ, ЧТО...*)

Исследуется смысловое наполнение сложноподчиненного изъяснительного предложения. На примере одной конструкции выявляются возможные варианты интерпретации модусного значения главной предикативной единицы. Кроме отмеченных ранее в лингвистической литературе возможностей анализируемой конструкции выражать авторизацию, способ получения информации и негативную оценочность, выделяется и способность маркировать коммуникативный сбой. Отмечается, что это модусное значение конструкции проявляется только в речевом режиме интерпретации.

Ключевые слова: сложное предложение, модус, коммуникативная неудача, режим интерпретации.

Утверждение В.А. Белошапковой, что «...предложение в понимании современной синтаксической науки – сложное явление, которое соединяет в себе три синтаксических объекта: 1) формальную устроенность, 2) семантическую структуру, 3) коммуникативную устроенность» [1. С. 82], не оспаривается в современной лингвистике, но, к сожалению, не всегда учитывается при анализе сложного предложения. А если вслед за В.А. Белошапковой учитывать трехаспектность не только простого предложения, но и сложного, это позволит увидеть скрытые различия синтаксических явлений. С.Г. Ильенко классифицирует сложное предложение (СП) в качестве коммуникативно-структурной единицы и замечает, что «сводить коммуникативный потенциал СП лишь к обнаружению в нем актуального членения и видов целеустановки, как это принято при аспектном рассмотрении предложения, означает не просто обеднять этот потенциал, а прямо игнорировать коммуникативную природу СП, носящую интеграционный характер» [2. С. 18].

Под сложноподчиненным изъяснительным предложением в соответствии с разработанной В.А. Белошапковой типологией сложного предложения в русском синтаксисе понимается полипредикативная конструкция с присловной связью. Опорными в главной части являются слова, относящиеся к определенным семантическим группам, «из которых наиболее обширными являются группы слов со значениями: 1) речи, мысли, восприятия, чувства; 2) оценки; 3) бытия, обнаружения» [3. С. 701]. Все эти предикаты характеризуются наличием объектной валентности. Задаваясь вопросами, «почему слова именно этих семантических групп формируют изъяснительные конструкции» и «что такое изъяснительная конструкция, формируемая этими предикатами», М.И.Черемисина видит «важнейшую,

определяющую типологическую особенность изъяснительной конструкции... в том, что ее структурные звенья принадлежат разным уровням рефлексии», причем под словом *рефлексия* автор «подразумевает вторичную обработку сознанием чувственной или вербальной информации» [4. С. 14]. Другими словами, изъяснительными конструкциями исследователь называет синтаксические формы, «содержащие «модусное» управляющее звено и зависимое звено, представляющее собой событие – объект» [там же. С. 16]. С таким пониманием изъяснительных предложений согласна и С.Г. Ильенко, по мнению которой, «именно эти структуры СП предназначены для осуществления антропоцентрической цели: отобразить «положение дел» не непосредственно, а как очевидный результат созерцания, чувства, сознания, речевой реакции того или иного субъекта, т.е. в персонализированном виде» [5. С. 49]. Итак, в семантическом отношении сложно-подчиненные изъяснительные предложения представляют собой эксплицитную модус-диктумную конструкцию [6–8 и др.]. Не случайно такую конструкцию называют королевой модуса: первая предикативная единица является показателем авторизации и сообщает способ получения информации, а вторая предикативная единица, восполняя объектную валентность глагола, сообщает о диктумном событии. Ср.: *Он сказал, что придет завтра. Я увидела, как столкнулись две машины.*

Такая интерпретация этого типа сложного предложения, безусловно, верна, но нас интересует не столько то, в чем проявляется общность семантики изъяснительных конструкций, сколько то, чем они различаются в смысловом плане и какова связь между семантикой опорного слова и смысловым наполнением придаточной предикативной единицы.

Смысловая вариативность конструкции во многом обусловлена лексическим значением опорного глагола. Рассмотрим примеры, в которых опорным словом будет глагол *(не) понимать*. Отметим, что глагол *понимать* и ситуация (не)понимания уже неоднократно становились предметом исследования. Так, А. Мустайоки для рассмотрения выбрал такие коммуникативные ситуации, в которых говорящий делает (или не делает) вид, что (не) понимает что-то. Он отмечает, что изучение подобной коммуникативной ситуации может дать импульсы также для рассуждений о сущности понимания как элемента человеческого общения в целом [9]. Б.Л. Йомдин, создавая лексикографический портрет лексемы *понимать*, выделяет две группы значений: *понимать* – осознавать и *понимать* – считать. Описывая особенности управления и сочетаемости данной лексемы, исследователь только для одного значения (осознавать положение дел) отмечает возможность выражения объекта понимания придаточной предикативной единицей: *Понимаю, что ты прав* [10. С. 527]. Введение отрицания перед глаголом в этом значении вполне допустимо и не меняет основного значения.

Нашей узкой задачей является выяснение смыслового наполнения конструкции: *я не понимаю* + объект, выраженный предикативной единицей.

С одной стороны, выражение *Я не понимаю...* может выражать рефлекссию говорящего по поводу какого-либо события в реальной действитель-

ности; фиксировать, что говорящий чего-то действительно не понимает. По каким аспектам реальной действительности может рефлексировать говорящий? Что может он не понимать?

Собственно, саму суть события: *Я не понимаю, что произошло.*

Мне даже больше понравилось слушать текст, который я не понимаю [Валерий Кичин. Москва у стен Нотр-Дам (2002) // Известия. 21. 05.2002]¹.

Причину этого события: *Я не понимаю, почему он опаздывает, ведь он такой пунктуальный.*

– *Да нет же! – мать пожала плечами. – Я не понимаю, чего ты волнуешься. Наверно, какая-нибудь ошибка...* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

Цель события: *Я не понимаю, зачем они пошли в магазин, у нас все уже куплено.*

Я даже знаю, откуда растут ноги, только не понимаю, с какой целью [Алексей Демин, Андрей Митьков. Кому плей-офф, а кому слухи. Говорят, что Соловьев уволен из «Спартака», а Гинер купил хоккейный ЦСКА (2002) // Известия. 15.03.2002].

– *Извини, – сказала я. – Не понимаю, зачем ты это прятал? Все готово* [Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // Волга. 2009].

Способ совершения / осуществления какого-либо действия: *Я не понимаю, как забраться на это дерево.*

Объект (не)понимания можно выразить не только зависимой предикативной единицей, но и пропозитивным существительным: *Я не понимаю цели твоего поступка; Я не понимаю причины твоего поступка; Я не понимаю способа решения задачи* и т.д. Т.В. Шмелева уже отмечала, что объектную семантику можно выразить и с помощью разных «техник» сложного предложения: нулевой, союзной, местоименно-союзной и др. [7]. Стоит согласиться с исследователем в том, что «смысловая близость этих предложений не означает их полной равнозначности: каждой технике присущи свои специфические черты, но то, что все названные техники оказываются на службе у изъяснительности, – факт очевидный» [7. С. 126]. Здесь главная предикативная единица, как и отмечается во всех грамматиках, действительно выражает авторизацию и способ получения знания. Поэтому в позиции субъекта возможно не только местоимение 1-го лица, но и 2-го, и 3-го: *Ты не понимаешь, Он не понимает...* Вариативна и временная форма глагола: *Я не понимал...*

Как уже было отмечено, во всех подобных случаях возможно как утверждение, так и отрицание ментального состояния субъекта (понимаю / не понимаю). На эту особенность предикатов знания, к которым относится и предикат достижения ментального состояния *понимать*, обращала внимание И.М. Кобозева. Но, как справедливо ею замечено, «отрицательные предложения представляют ценный материал для анализа семантики пре-

¹ Все примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

дикатов. В них получают косвенное поверхностное проявление семантические характеристики предиката, скрытые от наблюдения в утвердительных предложениях...» [11. С. 82]. Анализ языкового материала показал, что не все изъяснительные конструкции с предикатом *понимать* допускают утвердительную форму без изменения смысла предложения. Так, Анна А. Зализняк совершенно справедливо отмечала, что фраза *Я не понимаю...* «может выражать не отсутствие понимания, а нечто совсем другое (а именно отчетливое осуждение позиции собеседника или какого-то третьего лица), и представляет собой стандартный прием в дискурсивной войне» [12. С. 477]. Другими словами, первая предикативная единица выражает, кроме авторизации, еще и оценку (я этого не одобряю): *Я не понимаю, как можно прийти в театр в таком платье*. Анализируя разные виды непонимания, исследователь отмечает и частый синкретизм разных значений: собственно непонимания и неодобрения. Соглашаясь с наблюдениями и выводами Анны А. Зализняк, заметим, что с заменой отрицания на утверждение в подобных случаях исчезает семантика осуждения, но не появляется семантика одобрения; оценочный компонент вообще нейтрализуется: *Я понимаю, как можно прийти в театр в таком платье* не значит, что горячий одобряет поведение обсуждаемого человека.

Анализ языкового материала показал, что существует еще и другой вид «непонимания»: уже не как маркер неодобрения, а как маркер коммуникативного сбоя. По утверждению А. Мустайоки, одной из наиболее серьезных проблем нашей жизни является то, что люди не понимают друг друга. Как он отмечает со ссылкой на других исследователей, в случае открытой коммуникативной неудачи имеет место немедленное осознание неудачи [13]. Одним из возможных сигналов осознания коммуникативной неудачи и является конструкция *Я не понимаю, что...*, которая выражает реакцию собеседника на речевую ситуацию, в которую он вовлечен и которая, с его точки зрения, развивается не вполне стандартно.

Как известно, для успешной коммуникации говорящий должен соблюдать правила речевого поведения, в частности такие, как правило мотивированности речи, правило ясности коммуникативного намерения, правило стандартности [14]. По замечанию Т.В. Шмелевой, «правила речевого поведения, интуитивно знакомые всякому носителю, практически всегда остаются «за кадром» высказывания, за исключением тех случаев, когда автор видит опасность быть нарушителем какого-либо из них, тогда-то и вводятся показатели, объясняющие речевое поведение автора и извиняющие его» [14. С. 29]. Если говорящий допустил нарушение какого-либо правила коммуникации и не маркировал в речи намеренность своего речевого поведения, то результатом может стать коммуникативный сбой. Фраза *я не понимаю...* в такой ситуации является ответным сигналом нарушения стандартов общения.

Так, фразой *Я не понимаю, к чему ты это сказал* говорящий сигнализирует, что собеседник нарушил правило мотивированности своего речевого поведения и коммуникация может быть нарушена; фраза *Я не понимаю,*

зачем ты это мне говоришь маркирует нарушение собеседником правила ясности коммуникативного намерения:

– Волько наморщил лоб. – Да я со многими там беседовал, в том числе и с дамами. Там было много народу. Я не понимаю, чего вы от меня хотите. – Постарайтесь, пожалуйста, вспомнить: Евгения Васильевна Панкрашина, супруга Игоря Панкрашина, известного бизнесмена и благотворителя.

Волько призадумался и снова покачал головой. – Нет, я ее не знаю [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)].

В следующем примере нарушены логичность и связность коммуникации, о чем сигнализирует один из коммуникантов, вводя конструкцию *не понимаю, при чем тут*:

А самцы — ты же знаешь! — могут съесть маленьких. Их обязательно надо отсаживать.

– Не понимаю, при чем тут самцы, которые едят маленьких, если речь идет о черепахе, – вмешалась Таня. – По-моему, мы должны решить, что теперь делать с этой размороженной черепахой, а не с хомячками в банках [М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010)].

Данная конструкция может свидетельствовать и о том, что собеседники используют в речи разные номинации, а это также может привести к коммуникативной неудаче:

– А я не понимаю, почему ты называешь его моим, – вставила Вера, обрадованная поддержкой мужа. – Он так же мой, как и твой... – Хорошо, ещё раз извиняюсь. Словом, я хочу только сказать, что его глупостям надо положить конец [А.И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)].

Использование собеседниками разных номинаций может быть вербально маркировано, так же как и неприятие номинации, используемой собеседником. Вербальная невыраженность объекта непонимания может сигнализировать о неприятии номинации, несогласии с ней, как в следующем примере:

Тогда отчего вы себя так странно ведёте? – Простите, не понимаю. – Почему не возражаете против использования себя во всей этой гнусной кампании? [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)].

Первый собеседник лексемой *странно* эксплицирует свое неприятие сложившейся ситуации, неодобрение по поводу поведения собеседника. Второй говорящий сигнализирует о том, что ему непонятны причина неприятия и выбор номинации (*странно*). Неполнота конструкции (нулевой объект) может быть вербально восполнена: *Простите, не понимаю, что вы называете странным в моем поведении*. Первый собеседник в своей следующей реплике эксплицирует тот смысл, который в первой реплике был обобщен лексемой *странно*.

Использование собеседниками разных номинаций может привести к коммуникативной неудаче и генерализации объекта понимания:

И бабушка, человек с огромным вокабуляром и интеллектуальным багажом, когда я поступил на первый курс и начал ей говорить про симулякры, отвечала: «Я тебя не понимаю. Можно попроще говорить?» [Михаил

Калужский, Сергей Минаев. Сергей Минаев: я – неудавшийся лузер // Русский репортер. № 3 (33). 31 января – 7 февраля 2008].

Аналогичен и следующий пример:

...Поработала я за границей и вернулась в Москву... Во мне боролись два чувства: хотелось жить в знакомом мире, в котором я могу, как в своей квартире, с закрытыми глазами найти любую книгу на полке, и в то же время было желание вылететь в бесконечный мир. Уезжаю или остаюсь? – никак не могла решить. Это был девяносто пятый год... Иду, как сейчас помню, по улице Горького, и впереди меня громко разговаривают две женщины... и я их не понимаю... А они по-русски говорят. Я обалдела! Только так... столбняк... Какие-то новые слова и главное – интонации. Много южного диалекта [Светлана Алексиевич. Время second-hand // Дружба народов. 2013].

Отметим, что функция маркера коммуникативного сбоя может совмещаться с функцией неодобрения:

«Ну и дрянь народишка! А? – засмеялся. – Так ли?» Вера Лазаревна заметила с некоторым удивлением: «Не понимаю, почему – дрянь? Зачем же так говорить?» [Юрий Трифонов. Обмен (1969)].

Отбор используемых речевых средств говорящим (*дрянь народишко*) не одобряется собеседником, к тому же он не понимает мотива и цели использования такой номинации.

– Я к тому, – пояснила Эльвира, – что вы вполне ещё симпатичный и молодой мужчина, и я не понимаю Елену, вашу жену [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)].

Не понимаю Елену = Не понимаю, почему Елена так себя ведет. Непонимание мотивов поведения Елены сопровождается неодобрением ее поведения.

Непонимание и неодобрение речевого поведения коммуникантов в качестве реплики-реакции позволяет говорящему использовать не только форму глагола в настоящем времени, но и в прошедшем, причем только совершенного вида. Форма глагольного времени в подобных случаях не важна, происходит нейтрализация значения времени, что допускает взаимозамену (не понял = не понимаю), как в следующем примере.

– В тот день она вообще не возвращалась домой, новая начальница пригласила ее к себе на дачу. Они уехали за город прямо с работы. Вот, собственно, и все.

– Не понял, – искренне признался Стас. – Тогда зачем нужна была эта идиотская ложь? С натуралистическими подробностями про жареную рыбу? [Г. Куликова. Правила вождения за нос (2003)].

Говорящий маркирует, что ему непонятна коммуникативная цель ложных высказываний собеседников. Здесь взаимозамена глагольных форм *не понял* и *не понимаю* вполне допустима без сдвига в семантике. Эта возможность квазисинонимической замены совершенного вида и несовершенного вида уже была отмечена в лингвистической литературе, в частности Е.В. Падучевой, которая отмечает, что «в перфектной паре глагол

СВ обозначает не только переход в новое состояние, но и само новое состояние, которое за ним следует, а глагол НСВ обозначает не просто состояние, но состояние, наступившее в результате перехода, который обозначается глаголом СВ. Иными словами, глагол в перфектной паре обозначает состояние, которое имеет своим началом некоторое событие» [15. С. 113].

Но если заменить глагол несовершенного вида в настоящем времени (*не понимаю*) или глагол совершенного вида в прошедшем времени (*не понял*) на глагол несовершенного вида в прошедшем времени (*не понимал*), то интерпретация смыслового наполнения изменится. *Я не понимал, зачем нужна была эта идиотская ложь* – здесь сообщается о ментальном состоянии субъекта, его рефлексии в прошлом, но никоим образом говорящий не сигнализирует собеседникам о коммуникативном сбое.

Сравним несколько предложений:

1. *Я не понимаю, к чему вы клоните?* – здесь исследуемая конструкция является маркером коммуникативного сбоя.

2. *Он не понимает, к чему вы клоните* – ситуация более сложная, которую можно интерпретировать следующим образом: говорящий отмечает, что, по его мнению, один из коммуникантов не понимает коммуникативного намерения другого коммуниканта и сигнализирует об этом, чтобы дать возможность второму коммуниканту избежать коммуникативной неудачи.

3. *Я не понимал, к чему вы клоните.*

4. *Он не понимал, к чему вы клоните.* В примерах (3 и 4) дано описание речевой ситуации и ментального состояния субъекта в прошлом, нет маркирования коммуникативного сбоя.

При анализе данного языкового материала представляется уместным использовать понятие режима интерпретации, введенное в научный оборот Е.В. Падучевой [16, 17], выделившей речевой, нарративный и синтаксический режимы. Первый и второй примеры маркируют коммуникативный сбой в речевом режиме, т.е. это случаи, когда предложения функционируют в условиях полноценной коммуникативной ситуации, здесь временные формы глагола интерпретируются через их отношение к моменту речи. Третий пример характеризуется нарративным режимом интерпретации, при котором «видо-временная форма интерпретируется не относительно момента речи, а относительно другой точки отсчета» [16. С. 286]. Следует согласиться с автором, что «местоимение 1-го лица еще не обязательно свидетельствует о том, что текст предполагает интерпретацию в речевом режиме» [там же. С. 287]. Четвертый пример также интерпретируется в нарративном режиме. Точкой отсчета является не момент речи, а ситуация в прошлом.

Функцию маркера коммуникативного сбоя анализируемая конструкция выполняет только в речевом режиме интерпретации.

Итак, предпринятое исследование позволяет расширить представление о семантике изъяснительной конструкции. Отмечена обусловленность смыслового наполнения придаточной предикативной единицы лексическим значением опорного слова. Наряду с описанной в лингвистической

литературе рефлексией по поводу факта реальной действительности отмечена возможность рефлексии по поводу речевой деятельности коммуниканта. Выявлен смысловой диапазон изъяснительной конструкции с опорным глаголом *не понимаю* в форме 1-го л. ед. ч.: она может выражать ментальное состояние субъекта речи, субъективно-оценочное отношение говорящего к диктумному содержанию и, кроме того, может служить маркером произошедшего коммуникативного сбоя. Таким образом, главная предикативная единица в сложноподчиненных изъяснительных предложениях служит для выражения не только таких модусных категорий, как авторизация, достоверность и оценочность, но и метакатегорий, а именно является показателем нарушения собеседником правил речевого поведения. Тем самым сделан шаг к решению сформулированной И.М. Кобозевой еще в 2003 г. задачи выявления «типов языковых единиц и конструкций, в семантике которых имплицитно присутствует информация об интенциональном состоянии говорящего» [18. С. 268].

Литература

1. *Белошапкина В.А.* Современный русский язык: Синтаксис : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. М. : Высш. шк., 1977. 248 с.
2. *Ильенко С.Г.* Коммуникативно-структурная природа сложного предложения и проблема его лексикографического описания // Сложноподчиненное предложение в лексикографическом аспекте. СПб., 2008. С. 9–43.
3. *Грамматика* современного русского литературного языка. М. : Наука, 1970. 767 с.
4. *Черемисина М.И.* Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением *то* // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9 : Филология. С. 11–24.
5. *Ильенко С.Г.* Лексико-синтаксическая координация и ее проявление в художественном тексте // Сложноподчиненное предложение в лексикографическом аспекте. СПб., 2008. С. 44–54.
6. *Шмелева Т.В.* Субъективные аспекты русского высказывания : дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 35 с.
7. *Шмелева Т.В.* Техника сложного предложения // Лингвистические идеи В.А. Белошапкиной и их воплощение в современной русистике / сост. и ред. Л.М. Байдуж. Тюмень, 2010. С. 116–133.
8. *Гаврилова Г.Ф.* О коммуникативно-функциональном потенциале придаточной части // Традиционное и новое в русской грамматике : сборник статей памяти Веры Арсеньевны Белошапкиной. М., 2001. С. 236–243.
9. *Мустайоки А.* Делаю вид, что (не) понимаю: наблюдения над (не)пониманием как предметом метакоммуникации // Понимание в коммуникации. 2005 : тез. докл. Междунар. науч. конф., 28 февраля – 1 марта 2005 г., Москва. М., 2005. С. 81–83.
10. *Иомдин Б.Л.* Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 517–612.
11. *Кобозева И.М.* Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988. С. 82–98.
12. *Зализняк А.А.* Русская семантика в типологической перспективе. М. : ЯСК, 2013. 640 с.
13. *Мустайоки А.* Жанры речи и риски коммуникативных неудач // Жанры речи. Саратов ; Москва, 2012. Вып. 8: Жанр и творчество. С. 123–140.

14. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1994. 48 с.

15. Падучева Е.В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 111–120.

16. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

17. Падучева Е.В. Модальность сквозь призму дейксиса // Традиционное и новое в русской грамматике : сборник статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. М., 2001. С. 184–187.

18. Кобозева И.М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) // Труды Международного семинара Диалог-2003 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2003. С. 267–271.

THE SENSE RANGE OF A COMPLEX SENTENCE WITH A SUBORDINATE OBJECT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 51. 47–57. DOI: 10.17223/19986645/51/5

Tatiana I. Steksova, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: steksova@inbox.ru

Keywords: complex sentence, modus, communicative failure, mode of interpretation.

The aim of the article

The aim of the article is to study the semantic content of a complex sentence with a subordinate object. In Russian syntax a complex sentence with a subordinate object is considered as a polypredicative construction with a conditional connection. Reference (contact) words in the main part are related to certain semantic groups, such as: 1) speech, thought, perception, feeling; 2) evaluation; 3) being, detection. All these predicates are characterized by the object valency. In a semantic sense, sentences of this type represent explicit modus-dictum constructions.

Research material

The example of one construction is taken to reveal possible variants of the interpretation of the modus meaning of the main predicative unit. Examples for analysis are extracted from the National Corpus of the Russian Language (ruscorpora.ru).

The course of the study

Besides the abilities of the analyzed construction to express authorization, the method of obtaining information and negative evaluation described in the linguistic literature before, the author also emphasizes the ability to mark a communicative failure. In the construction (*I do not understand that . . .*) the speaker points out that the interlocutor violated the motivation rule of their speech behavior, which can lead to a break in communication. The same phrase could indicate a violation of the logic and connectivity of the communication. This construction can also show that the interlocutors use different nominations in the speech, which could also result in a communicative failure. Moreover, in the article it is noted that misunderstanding and disapproval of speech behavior of communicants as a replica-reaction allows the speaker to use the form of the verb in both the present and past tenses, but in the perfect aspect only. The form of the verbal tense is not important because of the neutralization of the tense meaning that allows interchanging in this case (*I did not understand = I do not understand*). It should be emphasized that this modus meaning of the construction is manifested only in the speech mode of interpretation.

Conclusions

Thus, the analyses allows us to expand our knowledge of the semantics of the explanatory construction. The author also reveals the conditionality of the semantic content of the predicate unit with the lexical meaning of the reference word. The ability of this construction to

express the speaker's reflection on the speech activity of the interlocutor is also noted. The sense range of the explanatory construction (*I do not understand that . . .*) is comprehended in the form of 1P.Sg. only, where it can express the mental state of the subject of speech, the subjective-evaluative attitude of the speaker to the dictum content, and, moreover, it can mark the communicative failure occurred.

References

1. Beloshapkova, V.A. (1977) *Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis* [Modern Russian: Syntax]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Il'enko, S.G. (2008) Kommunikativno-strukturnaya priroda slozhnogo predlozheniya i problema ego leksikograficheskogo opisaniya [The communicative-structural nature of a complex sentence and the problem of its lexicographic description]. In: Il'enko, S.G. (ed.) *Slozhnopodchinennoe predlozhenie v leksikograficheskom aspekte* [The complex sentence in the lexicographic aspect]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University.
3. Shvedova, N.Yu. (ed.) *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow: Nauka.
4. Cheremisina, M.I. (2015) On constructions with object clauses with optional governed pronoun "to". *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series "History, Philology"*. 14:9. pp. 11–24. (In Russian).
5. Il'enko, S.G. (2008) Leksiko-sintaksicheskaya koordinatsiya i ee proyavlenie v khudozhestvennom tekste [Lexico-syntactic coordination and its manifestation in the artistic text]. In: Il'enko, S.G. (ed.) *Slozhnopodchinennoe predlozhenie v leksikograficheskom aspekte* [The complex sentence in the lexicographic aspect]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University.
6. Shmeleva, T.V. (1995) *Sub"ektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya* [Subjective aspects of the Russian utterance]. Philology Dr. Diss. Report. Moscow.
7. Shmeleva, T.V. (2010) Tekhnika slozhnogo predlozheniya [Technique of a complex sentence]. In: Bayduzh, L.M. (ed.) *Lingvisticheskie idei V.A. Beloshapkovoy i ikh voploshchenie v sovremennoy rusistike* [Linguistic ideas of V.A. Beloshapkova and their embodiment in modern Russian philology]. Tyumen: Mandr i Ka.
8. Gavrilova, G.F. (2001) O kommunikativno-funktsional'nom potentsiale pridatochnoy chasti [On the communicative and functional potential of the subordinate part]. In: Beloshapkova, T.V. & Shmeleva, T.V. (eds) *Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoy* [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkova]. Moscow: Indrik.
9. Mustayoki, A. (2005) [I pretend that I do (not) understand: observation over (not) understanding as the subject of metacommunication]. *Ponimanie v kommunikatsii. 2005* [Understanding in communication. 2005]. Proceedings of the international conference. Moscow. 28 February – 1 March 2005. Moscow: Moscow State University. pp. 81–83. (In Russian).
10. Iomdin, B.L. (2006) Yazykovaya model' ponimaniya [Language model of understanding]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and systemic lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
11. Kobozeva, I.M. (1988) Otritsanie v predlozheniyakh s predikatami vospriyatiya, mneniya i znaniya [Negation in sentences with predicates of perception, opinion and knowledge]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka: Znanie i mnenie* [Logical analysis of the language: Knowledge and opinion]. Moscow: Nauka.
12. Zaliznyak, A.A. (2013) *Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive* [Russian semantics in a typological perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

13. Mustayoki, A. (2012) Zhanry rechi i riski kommunikativnykh neudach [Genres of speech and the risks of communicative failures]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Is. 8. Saratov; Moscow: Labirint.

14. Shmeleva, T.V. (1994) *Semanticheskiiy sintaksis* [Semantic syntax]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.

15. Paducheva, E.V. (1993) K aspektual'nyim svoystvam mental'nykh glagolov: perfektnyye vidovyye pary [On the aspect properties of mental verbs: perfect aspect pairs]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiiy analiz yazyka: Mental'nye deystviya* [Logical analysis of the language: Mental actions]. Moscow: Nauka.

16. Paducheva, E.V. (1996) *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic research: Semantics of tense and aspect in the Russian language. Semantics of the narrative]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".

17. Paducheva, E.V. (2001) Modal'nost' skvoz' prizmu deyksisa [Modality through the prism of deixis]. In: Beloshapkova, T.V. & Shmeleva, T.V. (eds) *Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoy* [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkova]. Moscow: Indrik.

18. Kobozeva, I.M. (2003) [On the recognition of the intentional component of the meaning of the utterance (theoretical premises)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the International Workshop Dialogue-2003. Protvino. 11–16 June 2003. Moscow: Nauka. pp. 267–271. (In Russian).